

Сегодня работы Владимира украшают интерьеры частных домов и офисов целого сонма состоятельных людей по всему миру и наглядно демонстрируют прекрасный художественный вкус хозяев (или их декоратора). Персональные выставки художника-фотографа неизменно проходят в лучших салонах России. И даже появилось и незаметно вошло в обиходную речь понятие «стиль Клавихо». Хотя, казалось бы, не настолько и зрел он годами, чтобы считаться патриархом целого стиля. Кстати, какие наши годы?

Родился Владимир в 60-х годах уже прошлого столетия, в Москве. Его отец Педро Эммануэль Клавихо в свое время приехал из далекой Колумбии получить высшее образование в стране Советов. Кроме профессиональных знаний, обрел он в холодной для южанина России и свою любовь, и вторую родину. Мама — Анна Владимировна Телешнева, ныне известный филолог, переводчик с испанского языка и создательница добрых, интересных детских книг, а «по совместительству» — дочь знаменитых художников-графиков Маргариты Давыловой и Владимира Телешнева.

Молодая семья жила вместе с родителями Анны в их доме на Верхней Масловке, а посему и к бабушке не нужно ходить, чтобы понять Владимиру с детства находився в атмосфере подлинного художественного творчества. И по сей день остается спорным вопрос: что он научился делать раньше — говорить или рисовать. Вполне естественно (а иначе и быть не могло) после школы юноша пошел в Полиграфический институт, где и получил профессию художника-графика.

Однако не довелось ему поработать по специальности за окном: распавшаяся страна перестроилась с ее ошеломляющим «ветром перемен», пробудившим в молодом человеке гены незнакомого ему колумбийского дедушки-фотографа. Причем, судя по отзывам, фотографа хорошеет. Начал Владимир с фоторепортажей для испанских, итальянских и французских изданий. Он вполне мог бы остаться в Москве, свивать гнездо политиков из верхних эшелонов и получить за это приманные гонорары. Но кровь кипела, хотелось чего-

ТВОРЕЦ ЗАЗЕРКАЛЬЯ

Очевидцы утверждают: когда известнейший английский режиссер Питер Гринуэй увидел в Москве огромную полутораметровую фотографию из цикла «Сталинский амнир», он настолько был впечатлен, что тотчас же изъявил желание приобрести всю серию. Автором которой, как, впрочем, и многих других великолепных, задевающих «за живое» фотографий, является талантливый и самобытный фотохудожник Владимир Клавихо-Телешнев. Его творения, действительно, приковывают к себе взгляд и завораживают дизайном. Так бывает, когда смотришь на произведения искусства великих мастеров: на первый взгляд, все просто, но и глаз не отвести.

то необычного, острого и немного сумасшедшего. Поэтому он, еще свободный от семейных уз, отправился туда, где труднее, — в «горячие точки». Побывал в Азербайджане, Армении, Прибалтике, Грузии... Словом, везде, где в то время шли братоубийственные локальные войны между жгучими братьскими народами «единого и могучего». Даже сейчас, оглядываясь на прошедшие годы с высоты умудренного жизненным опытом человека, Владимир не жалеет о прожитом-пережитом.

— Репортерская работа в «горячих точках» — это же ни с чем не сравнимый, «истейший адреналин». Когда смотришь на события через объектив фотокамеры, все окружающее воспринимается как телекартинка. Вот так однажды я и увидел, спасибо длиннофокусному объективу, «человека с ружьем». И не было бы в этом ничего из ряда выходящего, ибо перевидал я их уже не одну сотню. Специфика заключалась в том, что он целился из винтовки в меня. «Прекрасный кадр», — подумал я, заметив вспышку пламени. Кадр вышел действительно прекрасным, но мог бы стать последним, если бы не опытные кол-

леги-журналисты, находившиеся рядом. Они тоже мастерски отработывали свой репортерский хлеб и, услышав выстрел, сбили меня с ног. А затем мы уже дружно отползли из зоны обстрела.

Странно, но, находясь в «стреляющих регионах», не всегда адекватно воспринимаешь и оцениваешь опасность. Особенно на первых порах. А поняла я это во время пучка в Москве, когда мы, журналисты, лежали в надежном, вроде бы, укрытии и снимали. Проблема в том, что в фотоаппарате есть вспышка с инфракрасным излучением, на которое донельзя чутко реагируют оптические прицелы снайперских винтовок. А все потому, что природа излучений прицела и фотовспышки примерно одинакова. Над чем, увы, снайперы не очень-то и задумываются, действуя на опережение. Так моему коллеге, лежавшему неподвижно, и прострелили голову. Как сейчас стоит перед глазами эта до мороза по коже контрастная картина. Вокруг черт знает что творится — крики, щелчки затворов — аппаратных и оружейных, — а в двух шагах спокойно прогуливается какая-то шарочка, похоже, просто не воспринимаемая происходящее всерьез. Какой фотосюжет!

Вот так и работал Владимир до 1993 года. Пока не произошла в обществе удивительная метаморфоза: в сознании россиян люди с профессиональными фотокамерами внезапно превратились в недрутов. Логика была примитивной: если ты снимаешь, зна-

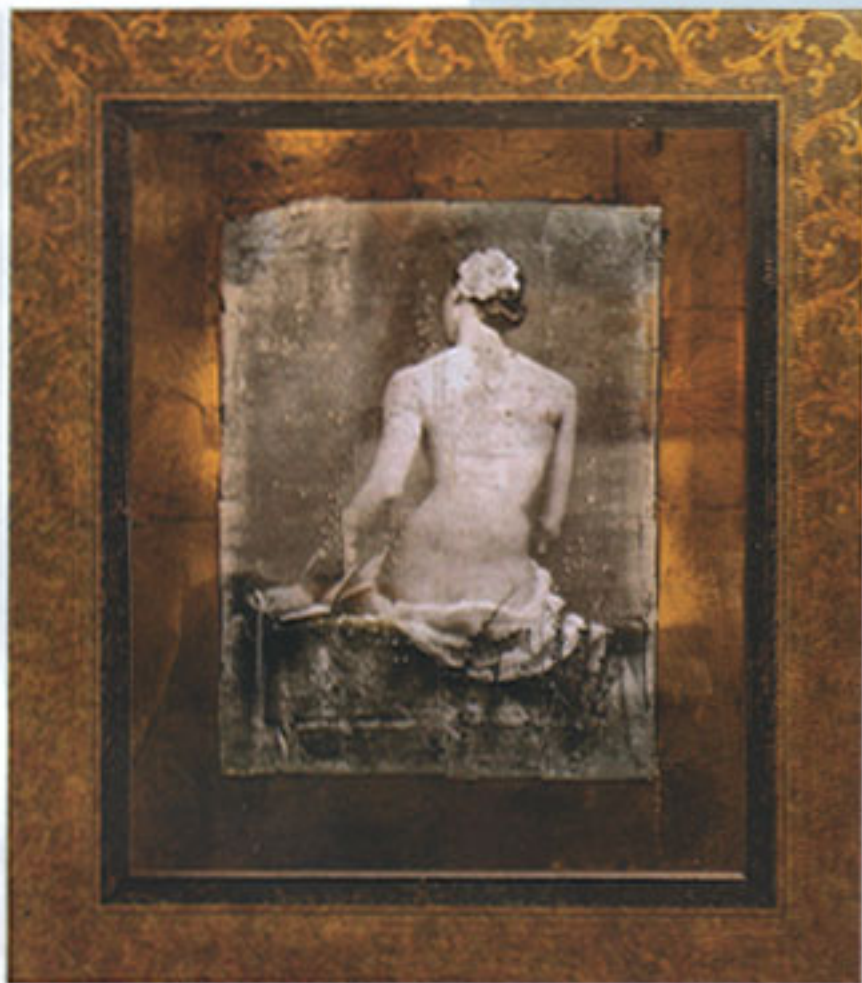

чет, ищешь какой-то негатив, ибо нечто гомосексуальное пристрастно не публиковалось. И вывод: кому ты пытаешься заработать на чужом горе — ты и сам чужой. Владимир ушел из фотожурналистики и год искал сферу приложения своих творческих сил. Очень хотелось трудиться тем, кем он, в принципе, и был — художником-графиком. А потому постоянно создавал графические и живописные работы, выставлял их в престижных залах, но никогда не продавал. И не потому, что не было покупателей, — просто не ощущал такой необходимости. Тем паре, настала благоприятная пора для того, чтобы вновь вооружиться фотокамерой.

В начале 90-х годов в стране пыльным цветом стала расцветать индустрия моды. Количество глянцевого журналов росло с пугающей скоростью, и в каждом из них пусть несколько страниц, да отводилось для моды. Одним из немногих профессионалов, фиксирующих творения создателей модной одежды, стал Владимир Клавихо-Темешев. И таким заметным, что, пожалуй, и сегодня внимательней читатель, листавший тогда подобные журналы, помнит его фамилию. До сих пор за ним тянется шлейф «модного» фотографа, хотя уже несколько лет он таковым не является, а, потрудившись после на иные рекламной съемки, ушел с головой в журналистское творчество. И интересно, и, че-

го уж грехи танть, доходядо, особенно когда твои работы, как горячие пирожки в армарочный день, расхватывают и с удовольствием печатают самые престижные и дорогие издания. Затягивает, знаете ли.

А вот Владимира не затянуло, и он вновь решил «поменять профессию». Точнее, вернуться к прежней. Дело в том, что еще в начале 90-х Клавихо-Темешев на собственные средства издавал небольшую книжечку — «Имперфекто» — тиражом всего 1000 экземпляров, которую и дарил с удовольствием своим друзьям и знакомым. Составили ее работы Владимира из области художественной фотографии. Это была, по признанию мастера, пробная шля. А предприниматель от РОСИЗО, увидев ее, в 1992 году номинировал на ежегодном фотофестивале в Бритиславне, где она и стала «Лучшим фотоальбомом Восточной Европы». Вот так и «родилась» новая художник-фотограф. А уже в начале третьего тысячелетия на суд культурной общности были представлены новые произведения Клавихо-Темешева. Добившись фантастических результатов в цветной фотографии, Владимир увлекся черно-белой. Разумеется, профессионально. В его необычных творческих органично сплелись воедино традиции русской художественной фотогра-

фии, прекрасные образцы мирового художественного наследия, накопленные годами мудрости и чутье настоящего мастера с колумбийской экспрессией и чувственностью.

Впрочем, этот новый поворот в творчестве более чем успешного фотографа понемногу не все, тем более что российских мастеров, работающих в жанре авторской фотографии, можно пересчитать по пальцам одной руки. Сложность заключается в том, что у каждого посвятившего себя этому отходу не дешевой виду искусства должен быть достойный начальная капитал, чтобы позволить себе ожидание внимания и соответствующей оценки знатоков. Приблизиться на стороне здесь не получится — не тот статус. И Владимир уже предвидел грядущие тяжелые времена, когда госпожа Фортуна одарила его лувельриной улыбкой. Как итог, сегодня произведения Клавихо-Темешева — весьма востребованный «товар» от Японии до Соединенных Штатов (естественно, если двигаться с Востока на Запад). Кто они, эти покупатели?

— В основном, состоятельные мужчины от 35 лет, коллекционеры: они фотографируют или интересуются

нами как элементом декора, — говорит Владимир. — К слову, когда я только начинал работать художником, то декоративно делал ставку на дизайнеров по интерьеру, боль-

шей частью — людей образованных, с развитым художественным вкусом.

Как правило, Владимир изобретательно задумывает и создает целые серии или приемы, объединяя их в альбомы (сказывается политехническое образование). В этом году в его фокусе — портреты под общим названием «Сенсуалити», посвященные женской чувственности. Кстати, будучи великолепным портретистом, Владимир, увы, редко работает на заказ, объясняя это весьма просто:

— Если мне не симпатичен человек и я его не чувствую, то портрет получится ужасный. Однажды попробовал и больше не пытался. Мне доводилось работать со многими «звездами». Так вот, все модели я воспринимаю как своих друзей. Я создаю не отдельные портреты людей, а галерею, что-то вроде кино, в котором тот или иной герой исполняет несколько ролей сразу. Поэтому человек этот должен быть талантливым, артистичным, таким, как Илья Абрам, Максим Суханов, Катя

Стриженова. Как правило, съемки перерастают в настоящую дружбу между нами. Появляется странное ощущение, будто мы исповедовались другу.

А дружить Владимир умеет: он просто мастер создавать вокруг себя некую позитивную ауру, притягивающую людей, а преданность и широта его души — тема отдельного рассказа. Самое большое удовольствие (после творчества, разумеется) он испытывает, делая подарки старым и новым друзьям. Вот почему Питер Гринюби не смог купить понравившуюся ему серию «Сталинский импери»: автор просто подарил ее человеку, творчество которого ему по душе.

На излете прошлого года Владимир в который уже раз удивил общественность своими фотокартинками в неординарном оформлении. Бу-

дучи подлинным житием искусства, он, по сути, возродил ныне забытую технику эмали, чрезвычайно модную в конце XVIII века. В России она чаще всего использовалась для украшения мебели миниатюрами, наклеиваемыми на стекло или его заменитель — поталь, а затем «проскробаны» орнамент. Клавихо-Телешев соединил эмалирование с фотографией, добившись фантастического по своему воздействию на зрителя эффекта: изображение проступает через зеркальную поверхность, и черно-белая фотография изменяет свой цвет в зависимости от окружающего пространства. Создается впечатление, что откуда-то из прошлого или из сказочного Зеркала прорывается небольшое окошко, через которое кто-то наблю-

дает за вами, да и вы, в свое очертанье, можете заглянуть в другое пространственное измерение. Никакая иная «классическая» фотография не передаст этой магии преломленного изображения на заднем плане. Это трудно описать — лучше один раз увидеть. Впрочем, почему один? Дабы получить полное представление о творчестве Кавендо-Тельшера, одного раза мало, тем более что его экспозиция постоянно и весьма существенно обновляется. Кроме того, как истинный художник, своими работами Владимир обмывает интерьеры галерей и выставочных залов, создавая неповторимую атмосферу глубоко продуманного единства стилей. Как ему это удается — понять не просто.

Остается загадкой и другое — каким образом Владимир успевает делать так много? При его-то загруженности! Ведь он к тому же и преподаватель в МГУ, устраивает благотворительные выставки по всей России, проводит в столице и регионах многочисленные мастер-классы для любителей и профессионалов фотографии. На недоуменный вопрос, зачем он тащит за собой такой тяжелый «возок», без затей отвечает:

— Помимо себя, начинающего, для которого каждая такая поездка была настоящим открытием и шко-

лой одновременно. Конечно, сегодня Москва буквально «перекормлена» выставками. В отличие от других городов, которым я в последнее время отдаю предпочтение. Общение с людьми приносит мне огромное удовольствие. Надеюсь, не меньшее, чем они получают, знакомясь с моими работами. Предвижу удивленный вопрос: много ли проку от советов, если у человека нет нужной аппара-

туры? Что ж, придется поделиться секретом. Однажды я снимал «малышки», а рядом со мной работал американский коллега, освоивший такую технику, о существовании которой я и не подозревал. Обратившись в один и тот же престижный журнал опубликовали именно мои снимки. Выходит, дело не в аппаратуре, а в том творческом мыслительном процессе, который «обеспечивает» съемку, в особом видении художника и глубоко осмысленной мотивации. На моей выставке в Москве в институте Сервантеса в конце отзывов есть и такая запись: «Теперь я понял, что фотография — это искусство». Старайтесь соответствовать.

И еще. Мне всегда казалось, что культура России, в том числе и фотоскусство, настолько богата и интересна, что отвлечь это наследие, начиная отсчет с себя, по меньшей мере, глупо. Хотя многие современные художники или фотографы ведут себя так, как будто до них в художественной фотографии ничего путного создано не было. Пока, ко-

нечно же, не появились себе — Мастера с большой буквы. Что ж, как говорится, на каждый роток не накинешь платок. Для меня сверхзадача — связать воследом незримой

нитью прошлое и настоящее, материальное и идеальное. А уж насколько мне это удастся — судить вам...

Валерия ГОНЧАРОВА